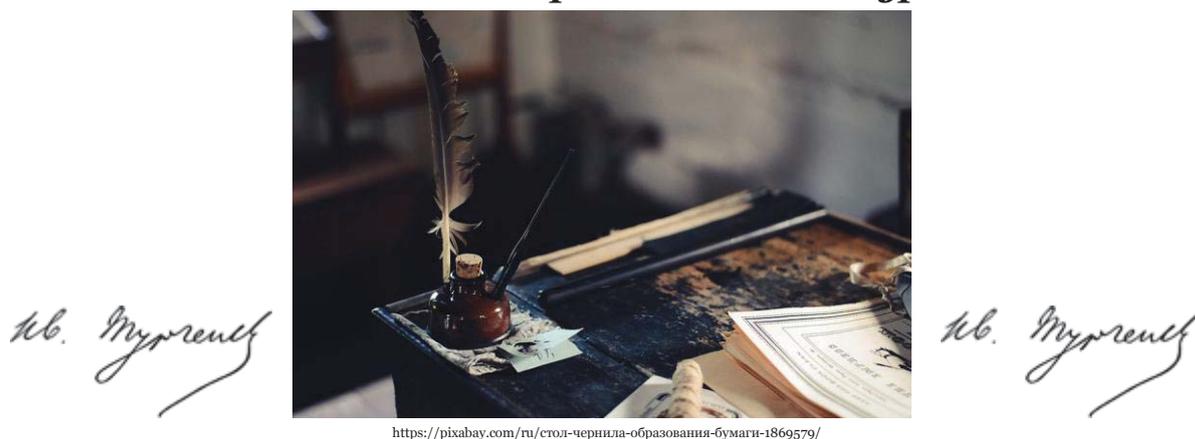

К 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева

УДК 81'37:81-116.3

Моря Лилия Анатольевна

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой «Русский язык и русская литература»,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: liliamor79@mail.ru

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ДЕРЕВНИ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ
СРЕДСТВА ЕГО СОЗДАНИЯ В РОМАНЕ И. С. ТУРГЕНЕВА
«ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»**

Статья посвящена исследованию художественного пространства в романе «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева. Выделяются и анализируются лексико-семантические средства, служащие для вербализации и текстовой организации такого фрагмента модели художественного пространства, как топос деревни, один из важнейших в исследуемом произведении.

Ключевые слова: художественное пространство, топос, локус, лексема, лексическая группа, лексическое значение, коннотация.

Liliya A. Morya

PhD in Philology science, Associate Professor,
Head of the department «Russian language and Russian literature»,
Sevastopol State University; Russian Federation, Sevastopol

**SPATIAL IMAGE OF VILLAGES AND LEXICAL MEANS OF ITS CREATION IN
I. TURGENEV'S NOVEL «THE NOBLE NEST»**

Abstract. *The article is devoted to the study of the artistic space in I. Turgenev's novel "The Noble Nest" ("Dvoryanskoye gnezdo"). The lexical and semantic means used for verbalization and textual organization of such a fragment of the model of artistic space, such as the village topos, one of the most important in the work under study, are identified and analyzed.*

Key words: *artistic space, topos, locus, lexeme, lexical group, lexical meaning, connotation.*

Для цитирования:

Моря, Л. А. Пространственный образ деревни и лексические средства его создания в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Гуманитарная парадигма. 2018. № 4 (7). С. 38–47.

Художественное пространство — одна из фундаментальных категорий мировосприятия человека, а также литературного произведения. Вне художественного пространства не может быть воплощена модель мира, создаваемая автором в художественном тексте. Настоящее исследование посвящено особенностям конструирования и функционирования пространственного образа деревни, выступающего один из ключевых в романе «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева.

Художественное пространство понимается нами как «континуум, в котором размещаются персонажи и совершается действие» [3, с. 258]. «Узлы» пространства в зависимости от их «масштаба» мы вслед за Ю. М. Лотманом называем топосом и локусом. «Поскольку художественное пространство — это содержательная категория текста, а содержание осуществляется в тексте в первую очередь лексическими и другими языковыми средствами, вербальной реализацией категории пространства будут выступать слова со значением пространства, организованные в те или иные лексико-семантические группы» [8, с. 362]. Так, топос деревни в тексте романа «Дворянское гнездо» реализован на лексическом уровне как лексическая группа, включающая, во-первых, прямые номинации: *деревня, деревенька, деревушка, село, сельцо*, а также, во-вторых, микрогруппу топонимов: *Лаврики, Васильевское, Покровское*.

Ряд *деревня — деревенька* (небольшая деревня) — *деревушка* (маленькая деревня) не имеет в романе остро социального значения, как это происходит, например, в «Записках охотника» [5], в нём актуализируется только сема размера: «...*Есть у меня [Лаврецкого], верстах в двадцати пяти отсюда, деревушка..., что... от Глафиры Петровны досталась...*» [10, с. 137]; «*В тот же день она [Глафира Петровна] удалилась в свою деревеньку...*» [10, с. 157]; «...*Он [Лаврецкий] решил съездить в Васильевское... Но в сельце его тётки на него напала грусть...*» [10, с. 213].

В приведённых контекстах речь идёт об одном и том же селении — о Васильевском, которое названо и *деревней* (*деревушка*, *деревенька*), и *селом* (*сельцо*), хотя эти номинации различаются по значению: деревня — «крестьянское селение, в котором нет церкви» [1, с. 208], а село — «в коем есть церковь» [1, с. 585]. Впрочем, В. И. Даль у слова *сельцо* называет и значение «деревня» [1, с. 584–585]. Разнообразие номинаций для одной реалии указывает на то, что в них выделен лишь один признак ‘небольшой размер’, а остальные теряют своё значение. Возможно, это происходит потому, что в романе Тургенев показывает деревню с точки зрения представителя дворянского сословия — помещика. Если в «Записках охотника» много внимания уделено социальному положению деревни, то в «Дворянском гнезде» топоним деревни имеет несколько иное смысловое наполнение.

По приезду Лаврецкого из-за границы между ним и Марьей Дмитриевной Калитиной состоялся такой разговор:

«— ...Завтра же отправляюсь в деревню...

— Вы, конечно, в Лавриках жить будете?

— Нет, не в Лавриках; а есть у меня... *деревушка*; так я туда еду» [10, с. 137].

В контексте лексема *деревня* соотносится со словами *Лаврики* и *деревушка*, обозначая обобщённо место проживания. Сема ‘место, местность’ актуализируется в топосе *деревня* под влиянием глаголов *отправиться* («уходить или уезжать» [9, Т. 8, с. 1540], с периферийной семой ‘куда-нибудь’) и *жить*, которые также содержат обобщающую сему места. И в результате *деревня* (*деревушка*) означает не просто конкретное поселение, но и сельскую местность вообще.

Молодой Калитин в эпилоге говорит о Лаврецком так: «Я тебя [*сестру*] в Петербург увёз, а Фёдор Иванович всё жил в деревне» [10, с. 250]. Синтаксическое противопоставление с союзом *а* предполагает смысловую противопоставленность топосов *Петербург* — *деревня*, где Петербург реализует прежде всего значение «город» («населенное место торгово-промышленного типа» [9, Т. 3, с. 303]), противостоящее деревне всей совокупностью социально-экономических и культурных условий жизни. В результате этой антитезы *деревня* опять приобретает значение сельской местности вообще.

«Иван Петрович [*отец Лаврецкого*] не знал, куда деться от тоски и скуки; невступно год он провёл в деревне, да и тот показался ему за десять лет» [10, с. 142]. Наименования душевного состояния *тоска* и *скука* («тягостное душевное состояние, вызываемое отсутствием дела» [9, Т. 13, с. 1087]) потенциально связаны с времяпрепровождением; соответствующая сема присутствует и в глаголе *провёл* [год] в значении «прожил, пробыл какое-

то время где-нибудь или каким-нибудь образом». Компонент значения «каким-нибудь образом», актуализируясь в этом слове, коррелирует с *тоской* и *скукой*. Выражение «год... *показался ему за десять лет*» метафорически означает растяжение времени, восприятие его как очень длительного, а это косвенно указывает на отсутствие занятий, скуку, однообразие. В таком контексте *деревня* означает не только сельскую местность, но и образ жизни, уклад.

В составе данной лексической группы есть слова, употребляемые в тексте в значении «деревня» — они прибавляют к этому понятию дополнительные смыслы. Так, сюда относится слово *имение* («поместье, земельное владение, обычно усадьба» [9, Т. 5, с. 292]). «*Иван Петрович большую часть года провёл в Лавриках (так называлось главное его родовое имение)...*» [10, с. 150]; «*Иван Петрович поспешил удалиться в деревню и заперся в своём доме*» [10, с. 151]. В данном случае топоним *Лаврики* и нарицательные существительные *имение* и *деревня* употреблены как синонимы. Определение *родовое* [имение] («наследственное» [9, Т. 12, с. 1389]) вносит в обозначенное указанными словами понятие «деревня», сему «полученное в наследство, фамильное».

«...[*Глафира*] *надеялась получить, по крайней мере, половину отцовского имения: она и по скупости вышла в бабку*» [10, с. 141]. Глагол *получить* в контексте приобретает уточнение значения: «получить в наследство», актуализируя сему «полученное в наследство, фамильное» в слове *имение*. С другой стороны, объектное значение глагола («брать, принимать... вручаемое, предлагаемое» [9, Т. 10, с. 1120]) проявляет в слове *имение* потенциальную сему «имущество, собственность»; этому процессу способствует и слово *половина* [имения] — «одна из двух равных частей... чего-либо» [9, Т. 10, с. 1033], наводящее в слово *имение* сему вещественности. Таким образом, номинация *имение* в значении «деревня» (см. у В.И. Даля «в имении» — «в деревне, во... владениях [1, с. 295]») имеет дополнительные смыслы: 1) «достояние, имущество», 2) «получаемое в наследство».

«...[*Слуги*] *не ожидали, чтобы барин поселился у них в Васильевском, когда у него под боком было такое славное имение с отлично устроенной усадьбой*» [10, с. 170]. В данном контексте и реализует оттенок значения слова *усадьба* — «помещичий дом» [9, Т. 16, с. 853]. Топоним *Васильевское* в результате смысловой корреляции со словами *имение* и *усадьба* приобретает значение «деревня с усадьбой, с господским домом».

Топос деревни, как и дома, получает в романе именование в переносном значении *гнездо* [6; 7]: «*Пришлось ему [отцу Лаврецкого], поневоле, вернуться в деревню, к отцу. Грязно, бедно, дрянно показалось его родимое гнездо...*» [10, с. 141]. Здесь локус *гнездо* (как «жильё, жилище» [1, с. 176]; «место жительства семьи» [9, Т. 3, с. 173]) получает расширение значения,

означая не только *дом*, но и *деревню*, являясь контекстуальным синонимом данному слову. Определение *родимое* (в значении «свой, родной») наводит в лексему *гнездо* сему ‘свой по рождению’, то есть «такой, в котором родился». Это значение подкреплено семей родства (кровного) в слове *отец* («в *деревню*, к *отцу*»). К *отцу* в данном случае значит то же, что «в семью», и *деревня*, названная *гнездом*, начинает означать «место, где живёт семья». Как видим, топоним деревни через соответствующие лексемы получает дополнительную смысловую нагрузку, то есть развивает индивидуально-художественное значение. В частности, слово *деревня* в романе Тургенева является одним из синонимических обозначений родового *гнезда*.

Отдельную лексическую группу представляют собой топонимы: *Лаврики*, *Васильевское*, *Покровское*. Топонимика в художественном пространстве романа имеет свои функции, так как тесно связана сюжетно и идейно с героями произведения: Лаврики и Васильевское принадлежит Лаврецкому, Покровское принадлежало Марье Дмитриевне Калитиной. Герои по-разному воспринимают деревню, по-разному относятся к ней, поэтому в связи с каждым из героев топоним деревни получает различную коннотацию.

Вот отец Лаврецкого приезжает в Лаврики из Петербурга: «*Грязно, бедно, дрянно показалось ему его родимое гнездо; глушь и копоть степного житья-бытия на каждом шагу его оскорбляли... зато и на него все в доме, кроме матери, недружелюбно глядели*» [10, с. 141]. Прилагательные *грязный*, *бедный* имеют негативный оттенок значения, который усиливает в соседстве со словом *дрянной*, у которого стилистическая окраска отрицательной оценки является основой лексического значения: «плохой, никуда не годный» [9, Т. 3, с. 1141]. Эти элементы значения придают слову *гнездо* отрицательную коннотацию, тем более яркую в контрасте в прилагательным *родимый* («свой по рождению») с периферийными семами ‘родной, милый’ [9, Т. 12, с. 1376], которое вступает в семантическое противоречие с рядом слов *грязно*, *бедно*, *дрянно*. «Родимое гнездо» не должно видаться таким человеку, когда он возвращается домой.

В контексте слова *глушь* («место, удалённое от культурных центров» [9, Т. 3, с. 159]) и *копоть* («сажа» [9, Т. 5, с. 1396]) приобретают переносное значение качественной характеристики: *глушь* — «тишина, уединение, удалённость от культурных центров», *копоть* — «грязь, бедность» (в непосредственной близости от *грязно* и *бедно*), а *степное* [жизнь-бытие] — «провинциальное, глухое». Весь этот лексический массив рисует отношение героя к деревне в отрицательном ключе. Писатель уточняет это отношение в слове *гадливость* («отвращение, брезгливость к чему-нибудь» [9, Т. 3, с. 12]) с яркой негативной эмоциональной окраской. Причём такое неприятие пространства рождает ответную реакцию: «*на него все в доме... недружелюбно*

глядели» [10, с. 141] (недружелюбно — «враждебно, неприязненно» [9, Т. 7, с. 858]).

Варвара Павловна живёт в Лавриках после замужества, и недолго: «Приехавши в Лаврики... она нашла дом тёмным и грязным, прислугу смешною и устарелою... Но мысль остаться в этом степном захолустье ни на миг не приходила ей в голову; она жила в нём, как в палатке, кротко перенося все неудобства...» [10, с. 157]. Пространство деревни для героини коннотировано отрицательно: прилагательные *тёмный*, *грязный* [дом]; *смешная* («вызывающая смех своей нелепостью» [9, Т. 13, с. 1379]), *устарелая* [прислуга] («не соответствующая современным требованиям» [9, Т. 16, с. 969]) содержат компонент негативной оценки. Он есть потенциально и в слове *захолустье* («глухая провинция»), так воспринимает Лаврики жена Лаврецкого, она видит здесь лишь недостатки, «кротко перенося все неудобства». Сравнение *как в палатке* усиливает негативную оценку пространства семами 'отсутствие комфорта' и 'временный' (*палатка* — «временное жилое помещение, сделанное из натянутой на остов ткани» [9, Т. 9, с. 46]). Значение временного и необустроенного жилья поддержано выражением *мысль остаться* («продолжить пребывание... где-нибудь» [9, Т. 8, с. 1159]) *не приходила ей в голову*. А ведь это отношение к родовому гнезду Лаврецких, которое для Варвары Павловны должно было стать домом.

Помирившись с женой после развода, Лаврецкий ставит ей одно условие: «Я согласен жить с вами... то есть я вас привезу в Лаврики... Я сойду с вами, буду вас снова считать моей женой... Уговор наш будет считаться нарушенным, как только вы уедете оттуда» [10, с. 241]. Для Лаврецкого попытка восстановить хотя бы видимость семьи связана с Лавриками, так как в данном контексте для героя «*жить с вами [женой]*» и «*вас привезу в Лаврики*» означает одно и то же. Только в Лавриках Лаврецкий может «*снова считать ... женой*» Варвару Павловну, а она — обрести статус супруги. Однако «*с... первыми холодами Варвара Павловна... переселилась в Петербург*» [10, с. 247]: отъезд героини из Лавриков означает новый разрыв в семье Лаврецких. И в художественном пространстве текста важно то, что знаменуют этот разрыв пространственные перемещения героев. И, как видно, деревня в пространстве жены Лаврецкого находится на полюсе отрицательной оценки.

Калитины живут в городе. Впрочем, у Марьи Дмитриевны было родовое имение: «*Марья Дмитриевна после института... жила... в родовом своём селе Покровское...*» [10, с. 121]; «*Марья Дмитриевна наследовала Покровское, но недолго жила в нём; на второй же год после её свадьбы... Покровское было променено на другое имение, гораздо более доходное, но некрасивое и без усадьбы...*» [10, с. 121]. Покровское названо *родовым* («наследственный» [9, Т. 12, с. 1389]), значит, это основное имение, передаваемое по наследству — и

Калитина «наследовала» это село. Однако по воле мужа лишилась его: село «променено на другое имение», причём ради выгоды (соответствующую сему содержит слово *доходный* — «приносящий доход, прибыльный» [9, Т. 3, с. 1069]), а не для проживания, так как имение без усадьбы («помещичий дом» [9, Т. 16, с. 852]). Кроме того, при слове есть определение *некрасивый* («неприятный» [9, Т. 7, с. 941]), содержащее в значении оттенок отрицательной оценки. В контексте всей главы *доходное, но некрасивое имение* противопоставлено *хорошенькому* [Покровскому] [10, с. 122] в значении «такой, что нравится, привлекательный» [9, Т. 17, с. 394]), которое коннотировано положительно. «Марья Дмитриевна не раз в душе пожалела о своём хорошеньком Покровском с весёлой речкой, широкими лугами и зелёными рощами...» [10, с. 122]. Красота, внешняя привлекательность *хорошенького Покровского* обусловлена природным фактором: *речка, луга, рощи* — это всё природные реалии. В контексте определения *весёлый* (в значении «вызывающий радостное настроение» [9, Т. 2, с. 215]) — о речке, *широкий* [луга] («охватывающий большое пространство» [9, Т. 17, с. 1411], то есть «раздольный»), *зелёный* [рощи] («в зелени» [9, Т. 4, с. 1189], то есть «с буйной растительностью, густой») — все приобретает от слова *хорошенький* положительную коннотацию, а также оттенок значения «привлекательный, радующий взор». Так через образы природы пространство *имения* получает положительную оценку. Её формированию способствует и определение *свой*, которое в контексте утрачивает значение «принадлежащий себе» [9, Т. 13, с. 433] (ведь Покровское уже «променено»), а развивает значение «родной». Выражение *в душе* употреблено как устойчивое сочетание в значении «мысленно, внутренне» [9, Т. 3, с. 1185], но ещё сохраняет связь с прямым значением слова *душа* («внутренний, психический мир человека» [9, Т. 3, с. 1184]) и ассоциативно указывает на то, что Покровское мило душе героини.

«...Калитин приобрёл дом в городе О..., где поселился с женой на постоянное жительство. При доме находился большой сад; одной стороной он выходил прямо в поле, за город. «Стало быть, — решил Калитин... — в деревню таскаться незачем» [10, с. 121]. С одной стороны, слова Калитина свидетельствуют о его неприязни к *деревне* (здесь данная лексема в контексте вывода, обозначенного выражением «стало быть», имеет обобщающее значение «сельская местность вообще»). Это отношение персонажа проявляется в слове *незачем* («нет надобности, не для чего» [9, Т. 7, с. 891]), сообщающем лексеме *деревня* семы 'ненужный' и, потенциально, 'не вызывающий симпатии, сочувствия'. Кроме того, в значении «ездить [в деревню]» употреблено слово *таскаться*, стилистически маркированное как «просторечное, неодобрительное», — оно придаёт топосу *деревня* отрицательную коннотацию.

Но, с другой стороны, «в деревню таскаться незачем» — это прямой вывод (*стало быть* — «следовательно, таким образом») из того, что «при доме... большой сад», который «выходил прямо в поле». Видимо, пространство калитинской усадьбы в городе напоминает деревню, в данном случае — из-за природного фактора. «Сельские» реалии (*сад, поле*) являются в контексте важнейшим признаком пространства деревни и включаются в структуру значения данного топоса в тексте, объединяя при этом городской дом Калитиных и Покровское с его рощами и лугами. И мы можем предполагать, что жизнь калитинского семейства принципиально не отличается от деревенской. Так, хотя Марья Дмитриевна и «привыкла... к городской жизни» [10, с. 122], но приязнь к деревне у неё осталась, заметная даже стороннему наблюдателю: например, «Паншин начал... с описания восторга, с которым... всё семейство Марьи Дмитриевны отзывалось о Васильевском... [10, с. 190]. *Восторг* (в значении «восхищение» [9, Т. 2, с. 732]) называет чувство или эмоциональное отношение, содержащее положительную оценку, которая распространяется на *Васильевское* и положительно коннотирует пространство деревни.

Лаврецкий в романе связан с деревней постоянно: детство и юность его проходят в Лавриках, а после недолгих скитаний по загранице он приезжает в Васильевское, полученное от тётки. Ещё до непосредственного появления героя в романе Гедеоновский говорит о нём: «Они, слышно, к себе в деревню собираются» [10, с. 125]. Позже Лаврецкий повторяет почти то же самое в разговоре с Марфой Тимофеевной: «Я завтра еду, тётушка... К себе, в Васильевское» [10, с. 138]. Предложно-падежная форма *к себе* в значении «в свой дом... к месту своего жительства» [9, Т. 13, с. 550] вносит в примыкающие к ней слова *деревня, Васильевское* сему 'место проживания, кров, пристанище', то есть компонент значения «дом».

«Лаврецкий... пригласил его [Лемма] к себе погостить на несколько дней... Лаврецкий собственно для него велел привезти к себе в деревню фортепиано...» [10, с. 174]. Тот же процесс наведения семы 'дом, кров, пристанище' подкреплён в контексте присутствием глагола *погостить* («жить... в чужом доме в качестве гостя» [9, Т. 3, с. 336]), в значении которого присутствует сема 'у кого-нибудь дома, в доме', актуализирующая в топосе деревни смысловой компонент «дом».

Подобное осложнение значения лексемы *деревня* происходит регулярно и за счёт разнообразных средств. Вот Лаврецкий приглашает в гости Калитиных «...посетить меня на моём новоселье. Вы знаете, я завёл фортепиано... сирень теперь цветёт; вы подышите деревенским воздухом...» [10, с. 178]. Слово *новоселье* («место, дом, куда недавно кто-либо поселился» [9, Т. 7, с. 1362]) в значении имеет сему 'новый дом, новое место

жительства'. Пространство деревни обозначено посредством относительного прилагательного *деревенский*. В романе его значение «присущий деревне» осложняется семами свежести и чистоты: так, Гедеоновский однажды упоминает, что «пыль в городе необыкновенная» [10, с. 125]. Лаврецкий же, пытаясь убедить Марию Дмитриевну приехать, называет чистый воздух как преимущество деревни перед городом. Ещё одним аргументом является цветущая сирень, а природные реалии, как мы уже убедились выше, являются для Тургенева неотъемлемым признаком деревни, причём положительным.

В эпилоге романа мы узнаём, что по возвращении в родные места Лаврецкий жил в деревне всё время: «Я тебя в Петербург увёз, а Фёдор Иванович всё жил в деревне» [10, с. 250]. *Всё* в значении «всё время, постоянно» [9, Т. 2, с. 817] вносит в значение слова *деревня* временной компонент — сему 'постоянное место пребывания'. Ниже Лаврецкий «сел в тарантас и велел кучеру ехать домой и не гнать лошадей» [10, с. 252]. «Домой» сказано о деревне, как это следует из вышеприведённого контекста. Таким образом, в пространстве Лаврецкого, главного героя в романе, *деревня* предстаёт перед нами как синоним дома («гнезда») и сема 'дом' последовательно вносится в значение лексемы *деревня*. Таково и восприятие деревни героем — поселившись в Васильевском, Лаврецкий думает: «Вот я и дома, вот я и вернулся...» [10, с. 168]. Слияние в семантическом комплексе пространства Лаврецкого понятий деревни и дома означает, что для героя деревня — родное, своё пространство. Именно поэтому топоним деревни в восприятии Лаврецкого не получает яркой положительной окраски: этого не требуется, так как отношение героя к деревне едва ли не само собой разумеется, Лаврецкий в романе тот герой, кому топоним деревни ближе всего.

Таким образом, топоним деревни, представленный в романе «Дворянское гнездо» узуально нейтральными лексемами, в тексте получает два полюса коннотации — положительный и отрицательный. «Поскольку оценка и эмоция неразрывно связаны с мировоззрением говорящего, введение их в текст является сигналом открытого включения автора в повествование, его непосредственного... указания на распределение своих симпатий или антипатий» [2, с. 42]. При этом у любимых героев Тургенева топоним деревни всегда коннотирован положительно.

Итак, в тексте романа лексема *деревня* включает в себе целый комплекс разнообразных значений, как узуальных, так и окказиональных, рождённых в контексте, в результате чего возрастает её значимость в лексической системе произведения: так слово «порождает энергию, несоизмеримую с его собственным объёмом, то есть сообщает читателю нечто большее, чем то, что свойственно ему вне художественного контекста, в системе языка» [2, с. 12]. Лексема приобретает некоторые значения, свойственные в тексте другому

пространственному понятию — локусу дома, становится одним из средств обозначения концепта, который представлен у Тургенева преимущественно лексемами *дом* и *гнездо*. Между указанными словами устанавливается регулярная семантическая связь, так как «сходные по содержанию знаки сближаются» [4, с. 83]. А поскольку слова *дом* и *гнездо* являются в романе ключевыми [6; 7], то и топос деревни возводится в разряд центральных, доминирующих в тексте.

Литература

1. Даль, В. И. Толковый словарь русского языка : современная версия. М. : ЭКСМО-Пресс, 1999. 736 с.
2. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста. М. : Просвещение, 1988. 192 с.
3. Лотман, Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Лотман, Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М. : Просвещение, 1988. С. 251–265.
4. Лукин, В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа. М. : Ось-89, 1999. 192 с.
5. Моря, Л. А. Деревня в системе художественного пространства «Записок охотника» И. С. Тургенева // Культура и цивилизация. 2016. Т. 6. № 6В. С. 425–438.
6. Моря, Л. А. Дом в системе художественного пространства в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Художественный дискурс: филологический анализ текста : монография / Под общ. ред. М. В. Нореца. Севастополь: РИБЕСТ, 2016. С. 127–149.
7. Моря, Л. А. Дом и гнездо в смысловом пространстве романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Гуманитарно-педагогическое образование. 2016. Т. 2. № 2. С. 22–29.
8. Моря, Л. А. Модель художественного пространства и национальный характер в рассказе И. С. Тургенева «Живые мощи» // Традиции и инновации в изучении и преподавании филологических дисциплин в вузе и школе : коллективная монография. М. : МИРАКЛЬ, 2016. С. 361–373.
9. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / Под ред. В. И. Чернышёва. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.
10. Тургенев, И. С. Записки охотника ; Повести и рассказы / Вступ. ст. В. Кулешова ; прим. В. Фридлянд. М. : Художественная литература, 1979. 607 с.

~